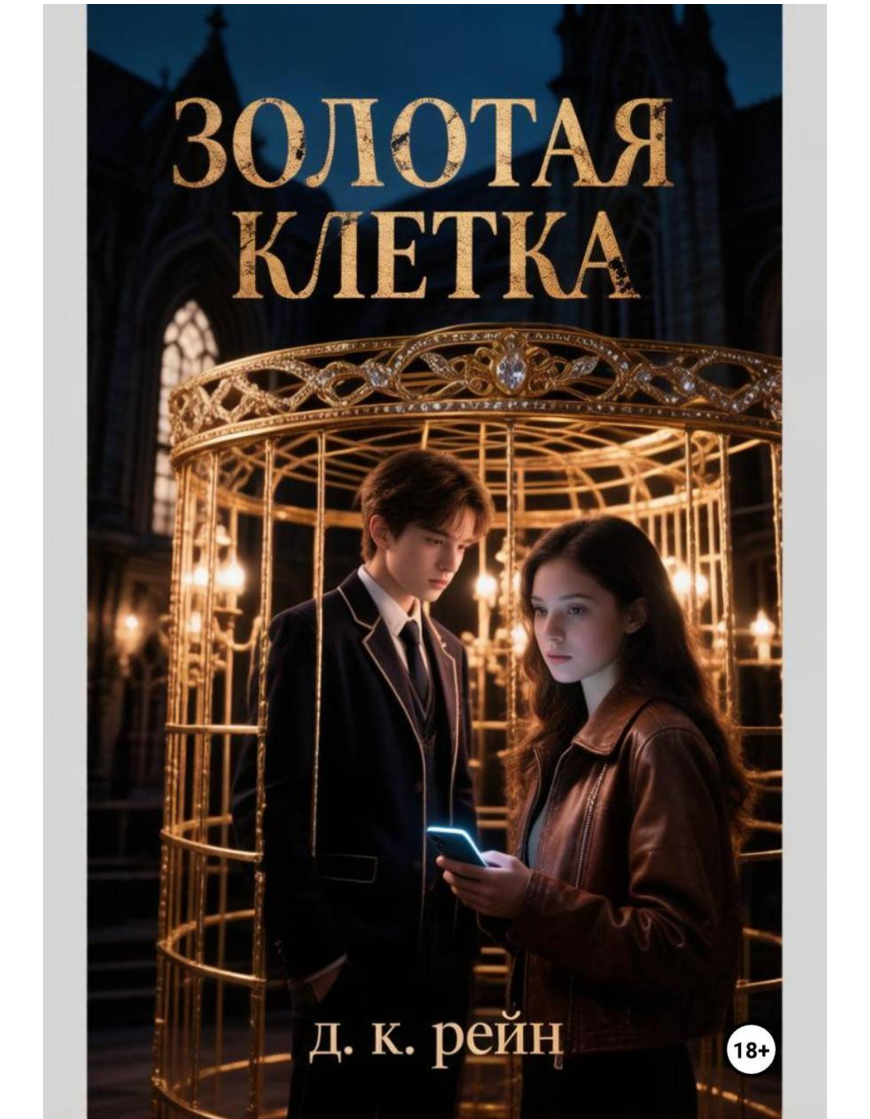

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

A movie poster for the film 'Золотая клетка' (Golden Cage). The central image shows a young man in a dark suit and a young woman in a brown leather jacket standing inside a large, ornate golden cage. The cage is illuminated from within, casting a warm glow. The background is a dark, gothic-style building at night. The title 'ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА' is written in large, golden, serif letters at the top. At the bottom, the author's name 'Д. К. Рейн' is written in a similar golden font. A small circular logo with '18+' is in the bottom right corner.

Д. К. Рейн

18+

Д. Рейн

Золотая клетка.

<https://litres.ru/74232847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лейла Маркина выживает на окраине, работая в две смены ради больной матери. Ошибка системы забрасывает ее в «Академию Врат» — золотую клетку для детей миллионеров. Там она сталкивается с Марком Левицким, высокомерным наследником строительной империи. Вместе с друзьями он объявляет девушке из трущоб войну: травля в соцсетях и жестокие розыгрыши едва не лишают Лейлу аттестата.

Когда аноним оплачивает операцию ее матери, а школьный проект заставляет их работать ночи напролет, ненависть дает трещину. За маской циничного короля школы Марк скрывает удушающий диктат отца. Их перемирие вспыхивает страстью, но рушится из-за подставы с наркотиками. Публично растоптав Лейлу, Марк спасает ей будущее ценой разбитого сердца.

Оказавшись за порогом, сильная Лейла получает компромат на корпорацию Левицких. Теперь роли меняются: чтобы спасти сломленного Марка от его семьи, девушка должна вернуться в особняк своего врага и научить самого богатого парня страны тому, что настоящую роскошь нельзя купить.

Содержание

Глава 1. Чужой аттестат	4
Глава 2. Хрустальная скука	11
Глава 3. Иностранное тело	17
Глава 4. Азотная кислота и замша.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Д. К. Рейн

Золотая клетка.

Глава 1. Чужой аттестат

Ржавый звонок в школе 4 на Юго-Востоке не звенел — он давился собственным дребезжанием, захлебываясь от старости проводки. Для большинства учеников этот звук означал свободу: пыльные коридоры пустели за считанные секунды, выпуская стайки подростков в серый морозящий октябрь. Но для Лейлы Маркиной школьный день заканчивался там, где для других начинался вечерний отдых. Запах мокрого асфальта и прелых листьев с улицы смешивался здесь с густым, удушливым паром из пищеблока. На языке стоял медный привкус хлорки. Лейла стояла по колено в горячей воде, заткнув подол школьного платья за пояс спортивных штанов, чтобы не намочить ткань. Ее руки, красные и распухшие от щелочи, механически двигались над раковиной. Тарелка, вилка, тарелка, стакан. Сто восьмая порция комплексного обеда.

— Маркина! — гаркнула Антонина Павловна, главная повариха, женщина-гора в некогда белом, а теперь сером от жира халате.

— Ты воду сливать собираешься? Мне домой пора, у меня

сериал! Лейла вздрогнула, выронив алюминиевую ложку. Та со звоном упала на дно мойки.

— Сейчас, Антонина Пална. Заканчиваю уже. На старых электронных часах над раздачей мигало ядовито-зеленое «18:20». Третий урок закончился три часа назад. Одноклассники давно разбрелись по подъездам или торговым центрам, а она все еще перемывала последствия их обеда. Белая пена оседала на коже неприятной пленкой. Завтра кожа на костяшках потрескается до крови, но крем стоил как две поездки на маршрутке. Придется мазать дешевым глицерином, который пахнет больницей. Она домыла последнюю кастрюлю, выкрутила тряпку так, что суставы хрустнули, и только тогда позволила себе выдохнуть. В раздевалке для персонала — крохотной камерке, пропахшей нестиранными фартуками и сыростью — ее ждала старая куртка. Тонкая болоньевая броня, которая совершенно не спасала от ветра.

— Теть Валь, я пошла, — бросила она пожилой техничке, протиравшей пол в коридоре.

— Постой-ка, — тетя Валя оперлась на швабру. — Там тебя завучиха с утра пасет. Злая, как собака. Иди, пока директриса не пришла, та вообще зверь сегодня.

Кабинет завуча находился в конце крыла, рядом с учительской. Стены здесь были выкрашены в цвет застывшей блевотины — тусклый желто-зеленый, призванный успокаивать нервную систему, но вызывающий лишь головную боль. Лейла постучала костяшками пальцев о косяк. Тамара Пет-

ровна сидела за столом, похожим на саркофаг, погребенный под пластами бумажной пыли. Перед ней светился экран допотопного монитора, издававшего низкое, раздражающее гудение. Она подняла глаза. Взгляд был тяжелым, оценивающим, лишенным всякого сочувствия — взгляд бухгалтера, сводящего дебет с кредитом.

— Садись, Маркина, — кивнула она на стул для посетителей. Железный, с прямой спинкой, намертво прикрученный к полу. — Разговор будет серьезный.

Лейла села на самый краешек. Спина привычно заныла — мышцы помнили десятки ночей на старом диване с торчащими пружинами после двенадцатичасовых смен.

— Мать как? — спросила завуч, глядя куда-то сквозь девушку. — Выписывать собираются?

— Нет, — голос Лейлы звучал ровно, хотя внутри всё сжалось в тугой узел. — Перевели в общую палату. Инфекция. Капельницы нужны дорогие, иначе...

— Понятно, — перебила Тамара Петровна, открывая ящик стола. — Благотворительный фонд «Горизонт» расщедрился. Слышала про таких? У Лейлы похолодело в животе. «Горизонт». Золотые логотипы на стеклянных небоскребах Сити. Люди, чьи лица печатали на обложках Forbes. Они появлялись в жизни бедняков редко, обычно перед выборами или когда нужно было списать налоги.

— У них программа социальной интеграции, — продолжила завуч, доставая плотную папку бордового цвета. На

ощупь она казалась чужой, дорогой. — Квота для одаренных детей из неблагополучных районов. Выбирают одного стипендиата по итогам года. Департамент образования спустил разнарядку. Им нужно закрыть показатели перед министерской проверкой. Показать, что мы не просто маргиналов плодим. Она толкнула папку через стол. Внутри лежала распечатка табеля Лейлы. Годовые контрольные. Пробные ЕГЭ. Девяносто восемь баллов по химии. Девяносто пять по биологии. Написано ночью, при свете настольной лампы, когда ноги гудят от стояния в столовой, а голова раскалывается от недосыпа.

— Это грант, — припечатала Тамара Петровна ладонью по столу. — Полное обеспечение. Проживание, питание, форма, учебники. Лучшие преподаватели страны. Но есть условие. Ты переводишься туда прямо сейчас. Со следующей недели.

— Куда? — прошептала Лейла, хотя уже видела заголовок приказа, выглядывающего из-под руки завуча.

— «Академия Врат». Слова ударили по ушам физической болью. Воздух в кабинете вдруг стал густым, непригодным для дыхания. «Академия Врат». Не школа — крепость. Закрытая экосистема за трехметровым забором из черного мрамора и кованого железа, расположенная в пяти километрах отсюда, в заповедной зоне, куда простому смертному нельзя зайти даже через калитку охраны. Место, где стоимость одних наручных часов физрука превышала годовую

зарплату всей больницы, где работала мать Лейлы.

— Ошибка, — Лейла мотнула головой, чувствуя, как дрожат пальцы. — Какая ошибка, Тамара Петровна? Я живу в аварийном доме. Мой почтовый индекс вызывает у налоговой аллергию. Там учатся дети министров, нефтяников... Марк Левицкий там учится. Меня охрана на территорию не пустит, они собак спускают на курьеров из доставки еды.

— Форму выдадут, — отрезала завуч. Глаза ее сузились. — Приказ Департамента уже подписан. Печать высохнуть не успела. Отказаться ты не можешь, Маркина. Это государственная программа поддержки. Если откажешься — лишим твою семью всех социальных выплат как злобно уклоняющуюся от улучшения своего положения. Будешь мыть полы дальше, только уже без льгот на коммуналку. Это не было предложением. Это был ультиматум, завернутый в золотую бумагу спасения. Лейла посмотрела на свои руки. Под ногтями навсегда въелась грязь овощного цеха. Кожа на ладонях стерта до мяса жесткой губкой. Ей предлагали билет в рай, но почему-то казалось, что это билет на гильотину.

— Автобус оттуда ходит до девяти вечера, — глухо сказала она, пытаясь найти хоть одну логическую лазейку.

— Моя смена заканчивается в восемь тридцать. Пока дойду до остановки — десять. Меня уволят.

— Вопросы оптимизации логистики будешь решать, когда станешь министром здравоохранения, — завуч захлопнула папку с таким звуком, будто выстрелила.

— Жду характеристику и копию свидетельства о рождении в четверг курьером. Форма придет спецдоставкой. Чтобы в понедельник была на линейке. Опоздаешь — пеняй на себя. Свободна.

Дверь кабинета закрылась с мягким, приглушенным щелчком дорогого замка. Звук, абсолютно чуждый скрипучим дверям школы 4. На улице окончательно стемнело. Фонари на окраине горели через один, заливая тротуар желтым болезненным светом. Морось превратилась в ледяной дождь. Лейла стояла под гнилым козырьком почты, прижимая к груди драгоценную папку «Горизонта», словно бомбу с сорванной чекой. Район вокруг спал тяжелой, тревожной жизнью рабочего предместья. Из окон неслась ругань соседей, где-то внизу хлопнула дверь подвала, выпустив облако пара и запах кошачьей мочи. Их квартира на пятом этаже последнего целого подъезда дышала на ладан вместе с матерью. Старые трубы рыдали по ночам, потолок в ванной покрылся черной плесенью, которую не брала никакая химия. «Академия Врат». Лейла представила эти интерьеры по статьям в глянцевых журналах: библиотеки с дубовыми панелями, бассейны с золотыми бортиками, собственная вертолетная площадка. Мир, где люди не знают, сколько стоит пачка аспирина. Она достала телефон. Экран треснул месяц назад, сеть ловила только у окна. Одно новое сообщение от банка: «Баланс менее 50 рублей». Мать в больнице. Лекарства стоят тысячи. Фонд дает ей шанс вытащить их обеих из этого

гнилого болота. Шанс получить образование, которое не купишь на деньги посудомойки. Но цена этого билета пугала до тошноты. Она входила в клетку, прутья которой сделаны не из стали, а из презрения. Дети элиты не прощают чужаков. Особенно тех, кто моет за ними тарелки. Особенно тех, чей свитер куплен на рынке «Садовод» семь лет назад. Лейла глубоко вдохнула холодный воздух, пахнувший гарью и близким дождем. Стерва-завуч права. Отказываться нельзя. Она поправила лямку старого рюкзака, промокшего насквозь, и шагнула под ледяные струи. До дома идти сорок минут быстрым шагом. Нужно успеть высушить единственный теплый свитер. В понедельник ее жизнь закончится. Или начнется заново. Первое сентября в «Академии Врат» обещало быть кровавым.

Глава 2. Хрустальная скука

Утро в «Академии Врат» пахло озоном, дорогим парфюмом и остывшим эспрессо из учительской. Марк Левицкий ненавидел понедельники не потому, что они начинали неделю, а потому, что к девяти утра он уже успевал умереть от смертной тоски трижды.

Его день начался ровно в 07:45. Не по будильнику — их дом был оснащен системой умного дома, которая мягко поднимала жалюзи и включала плейлист для концентрации (сегодня это был Бах в современной обработке). Отец заглянул в его спальню-пентхаус без стука.

— Сегодня приедет совет директоров фонда «Горизонт», — Артур Левицкий поправил узел галстука стоимостью с подержанный автомобиль сына. Его отражение в зеркальной дверце шкафа было безупречным: седые виски, стальной взгляд, костюм-тройка, сидящий как вторая кожа. — Они хотят посмотреть на стипендиатов. Программа социальной интеграции. Марк поморщился, натягивая идеально отглаженную рубашку поло командных цветов Академии. — Бомжи в смокингах? Пап, у нас итак половина школы состоит из детей твоих конкурентов. Зачем тебе этот цирк? — Мне нужен чистый пиар для тендера на застройку набережной, — отрезал отец, даже не повернувшись. — Департамент образования спустил разнарядку. Один ребенок из трущоб. Он

будет сидеть на задних партах, молчать и благодарить систему за шанс. Улыбнись ему на перемене. Это приказ, Марк. Не заставляй меня применять санкции.

Дверь закрылась. Санкции отца означали заморозку трастового фонда, аннулирование прав на будущую виллу в Майами и перевод личного водителя Марка на маршрут школьного автобуса. Свобода наследника империи заканчивалась там, где начинались интересы корпорации «Левицкий Групп».

Первый урок — высшая математика. Марк сидел за третьей партой у окна, машинально решая дифференциальные уравнения в голове, пока преподаватель монотонно бубнил у доски. Его внимание привлекало другое: игра света на капоте нового родстера Егора, припаркованного прямо под знаком «Стоянка запрещена». Охрана ворот сделала вид, что ослепла. Деньги делали людей поразительно близорукими.

Справа от него тихо хлюпал носом Денис. Он пытался незаметно вытереть кровь, текущую из разбитой брови, бумажной салфеткой. — Опять папаша? — лениво спросил Марк, не отрывая взгляда от экрана планшета, где скрытым окном шла трансляция торгов на бирже Гонконга. — Об косяк, — буркнул Денис, пряча руки под столом. Кроссовки на нем были прошлогодней модели Nike. Хорошие, но без лимитированного выпуска. По меркам «Врат» — признак нищеты. — Сказал, если я завалю физику, он отдаст мой гараж под склад арматуры. — Скажи ему, что твой гараж стоит до-

роже его арматурного завода, — Марк зевнул, обнажая идеальный прикус. — И смени химчистку. Пиджак воняет дешевым кондиционером.

Денис заткнулся. Спорить с Марком было бесполезно. Марк Левицкий не просто правил школой — он был ее архитектором, заказчиком и палачом одновременно. Капитан сборной по лакроссу, президент студсовета, единственный человек, чей звонок мог отменить решение директора.

Звонок на перемену прозвенел спасительным набатом. Коридоры взорвались гулом голосов. Марк шел сквозь толпу, и перед ним образовывался невидимый вакуум. Девушки улыбались, поправляя волосы. Парни уступали дорогу. Никто не рисковал случайно задеть его плечом. Это была территория хищника высшего порядка.

У фонтанчика с питьевой водой стоял парень из параллельного класса. Худой, нервный, с горящими глазами программиста. На ногах у него были кроссовки. Белые, тканевые, со следами дешевого клея на стыке подошвы. Из масс-маркета. Цена вопроса — три тысячи рублей. Для человека уровня Марка — стоимость салата в столовой.

Марк остановился. Сделал глоток ледяной воды. Посмотрел на обувь парня. Затем перевел скупающий взгляд на Артура, который стоял неподалеку в окружении своих друзей. — Егор, — позвал Марк бархатным голосом. — Ты видел коллекцию весна-лето Balenciaga? Ту самую, коллаборацию с Китаем. Егор, сын посла, тут же оживился: — Да, Марк!

Безумная дичь. Резина вместо шнурков. Выглядело так, будто им ноги бинтовали... — Именно, — кивнул Марк. — А теперь посмотри на ноги... Как тебя? Илья? — он указал подбородком на парня у фонтанчика. — Илья решил сэкономить на анестезии. Купил себе муляж обуви.

Толпа вокруг начала уплотняться. Скучающие львы вышли на охоту. — Говорят, такие делают дети в Бангладеш за миску риса, — подал голос Денис, хрустнув шейными позвонками. — Наверное, удобно бегать от коллекторов. Подошва пружинит.

Илья побледнел. Вода все еще текла у него изо рта тоненькой струйкой. — М-мы изучали свойства полимеров на химии... материал пористый, дышащий... — Дышащий? — Марк усмехнулся. Шаг вперед. Сокращение дистанции до интимной, угрожающей. — Здесь дышат только тем, что одобрил попечительский совет. Твои лаптями портят геометрию коридора. Я эстет, Илья. Меня оскорбляет созерцание этого пластика.

Он щелкнул пальцами. Этот звук знали все. Сигнал к началу травли. Артур и Денис шагнули синхронно, отсекая Илье пути к отступлению. Толпа замерла в предвкушении шоу. Кто-то уже доставал телефон, снимая через плечо.

— Знаешь, что бывает за нарушение визуального кодекса Академии? — Марк наклонился ниже, обдав парня запахом дорогого табака и мяты. — Исправительные работы. Ты будешь носить воду. Для поля. Лакросс тренируется после ше-

стого урока. Там искусственный газон, Илья. Он очень горячий. Бутылей сто хватит, чтобы ты прочувствовал ценность хорошей амортизации. — Но у меня сейчас контрольная по истории искусств... — История подождет, — отрезал Марк. — Ты напишешь эссе о том, как крестьянская обувь влияет на восприятие ренессансной живописи. Сто страниц. От руки. Если хоть одна буква будет напечатана — завтра пойдешь босиком.

Илья смотрел на него огромными, перепуганными глазами. В них плескалось отчаяние жертвы, попавшей в силки. Он открыл рот, пытаясь что-то возразить, но встретился взглядом с Егором. Тот едва заметно покачал головой.

— Бегом, — скомандовал Марк.

Парень сорвался с места, чуть не споткнувшись о собственную ногу. Толпа выдохнула, кто-то сдержанно засмеялся. Разрядка состоялась. Кровь пустили, иерархия подтверждена.

Марк проводил его взглядом, лишенным всякого интереса. Ему стало скучно снова. Физически, почти болезненно скучно. Когда ты можешь купить любую вещь, любого человека или любое правило, мир превращается в плоскую картинку. Нет сопротивления. Нет риска. Все эти золотые мальчики и девочки пресмыкались перед ним не из страха смерти, а из страха бедности. Страх оказаться на месте того парня у фонтанчика.

Он достал из кармана платиновый Vertu. Сообщение от

службы безопасности отца: *«Груз прибыл. Объект идентифицирован. Юго-Восток. Начинаем интеграцию сегодня»*.

Марк стер сообщение и убрал телефон. Интеграция. Слово звучало как диагноз. Скоро в их стерильный аквариум бросят грязный камень. Ребенка из реального мира.

Может быть, подумал Марк, глядя на свои отражения в глянцевых панелях стен, хотя бы эта игрушка окажется интересной. Хотя бы она сможет дать сдачи.

Глава 3. Иностранное тело

Главный вестибюль «Академии Врат» напоминал не школу, а зал ожидания в Вальгалле для миллиардеров. Воздух здесь был искусственно охлажден до восемнадцати градусов и пах озоном, сандалом и деньгами — тем специфическим запахом старых купюр и необработанных алмазов, который невозможно подделать дешевым освежителем.

Под ногами Лейлы Маркиной бесшумно проглотил шаги ковер цвета слоновой кости, толщиной в ладонь. Она инстинктивно поджала пальцы, боясь наступить на это великолепие своими старыми кедами. Потолок терялся где-то в высоте стеклянного купола, сквозь который лился холодный северный свет, отражаясь от мраморных колонн. По стенам висели подлинники импрессионистов, рядом с которыми дежурили охранники в костюмах, стоящих дороже годового бюджета ее старой школы.

Лейла стояла посреди этого хрустального собора как пятно мазута на свадебном платье. На ней была форма Академии: плиссированная юбка из плотной шерсти, белоснежная шелковая блузка и клубный пиджак с гербом — переплетением золотых ключей и меча. Все это прислали вчера курьером в коробке из плотного картона. Форма сидела безупречно, портной знал свое дело. Но она чувствовала себя голой. Каждая нить этой ткани кричала о том, что ей здесь не место.

Вокруг текла река идеальных людей. Девушки с волосами, которые явно никогда не знали пыли окраин, двигались плавно, словно по льду. Парни обсуждали котировки криптовалют так же буднично, как вчерашний футбольный матч. У всех были одинаковые зубы, одинаковый загар из частных клиник и одинаково пустые глаза пресыщенных хищников. Они скользили взглядами по Лейле, фиксировали несоответствие — неправильную осанку, слишком резкие движения, дешевую сумку-мешок, которую она прижимала к животу, — и тут же отводили глаза, словно заметив досадную опечатку в дорогом контракте.

— Новенькая? — раздался голос справа. Не вопрос, а констатация факта, приправленная легким ядом.

Она обернулась. Трое парней стояли у подножия парадной лестницы, преграждая путь наверх, к кабинетам. Марк Левицкий находился чуть впереди, небрежно опершись локтем о перила. Он выглядел скучающим богом, спустившимся проверить работу своих жрецов. Его взгляд прошелся по лицу Лейлы, опустился ниже, задержался на швах ее юбки, зацепился за потертый ремешок часов (старый Timex, подарок отца перед смертью), и уголок его губ дернулся вверх.

По бокам от него возвышалась свита.

Справа стоял парень, чья худоба казалась обманчивой. Артур. Одет он был не в школьную форму, а в твидовый пиджак поверх черной водолазки. В руках он держал тяжелый кожаный ежедневник Moleskine, хотя все давно перешли на

планшеты. Его глаза за стеклами очков без диоптрий смотрели с холодным любопытством патологоанатома. — Смотри-ка, Денис, — Артур слегка наклонил голову. — Кажется, департамент образования решил провести социальный эксперимент. Выживет ли инфузория-туфелька в аквариуме с пираньями?

Слева фыркнул второй. Денис. Широкоплечий, с шеей борца и челюстью, высеченной из камня. Его форменный пиджак трещал на бицепсах. Он не смотрел на лицо Лейлы — он сканировал ее одежду миллиметр за миллиметром, выискивая изъян, как таможенник ищет контрабанду. — Эксперимент провален на этапе подбора материала, — пробасил он. — Артур, глянь на строчку. Это полиэстер. Сто процентов. В таких тканях потеют только продавцы шаурмы. А запах... Ты пользуешься мылом «Земляничное», новенькая? Моя бабушка таким стирает половики в прихожей.

Третий, стоявший чуть позади Марка, нервно переступил с ноги на ногу. Егор. Сын дипломата, наследник состояния, которого хватило бы на покупку небольшой страны. Он был одет идеально, но костюм сидел на нем как на вешалке, а во взгляде плескалась паника человека, случайно попавшего на закрытое собрание масонской ложи. — Ребята, может, хватит? — тихо выдавил он, оглядываясь на проходящих мимо старшекурсников. — Директор сказал оказывать содействие... — Заткнись, Егор, — лениво бросил Марк, не отрывая глаз от Лейлы. — Если ты еще раз откроешь рот без

моего разрешения, твой отец узнает, чем ты занимался прошлым летом в Ницце вместо стажировки. Понял? Егор мгновенно побледнел и втянул голову в плечи.

Марк оттолкнулся от перил и медленно начал спускаться по ступеням вниз, приближаясь к ней. Каждый его шаг эхом отдавался под сводами. Остальные двое расступились, образуя почетный коридор для своего вожака.

— Добро пожаловать в клетку, Маркина, — произнес он тихо, но так, что слышно было во всем вестибюле. Голос обволакивал, гипнотизировал. — Меня зовут Марк. Я местный король. А это мои советники. Он сделал широкий жест рукой. Артур едва заметно кивнул с кривой усмешкой. Денис скрестил руки на груди, играя желваками. — Мы тут следим за чистотой экосистемы, — продолжил Марк, остановившись в двух шагах от нее. От него пахло ветивером и властью. — Твоя анкета впечатляет. Биология, химия... Умная девочка из трущоб. Решила украсть знания у богатых? — Я пришла учиться, — голос Лейлы прозвучал хрипло. Она ненавидела эту дрожь в горле. — По программе интеграции. — Интеграция предполагает слияние, — мягко поправил Артур, делая пометку в блокноте. — А ты сейчас торчишь здесь, как ржавый гвоздь в антикварном комод. Ты нарушаешь визуальный ряд. Это оскорбляет эстетическое чувство Дениса.

Денис шагнул вперед, нависая над ней горой. Он демонстративно принялся. — И обонятельное тоже. Знаешь, по-

чему мы носим шерсть мериноса, а не этот пластик? Потому что наши предки могли себе позволить пасти овец, а твои — только воровать картошку. Здесь другой уровень кислорода, детка. Боюсь, твоя селезенка не выдержит.

Лейла почувствовала, как кровь приливает к щекам. Жаркая, злая волна поднялась изнутри, смывая страх. Она перехватила свою сумку удобнее. — Если тебе так воняет моим присутствием, можешь задержать дыхание, — процедила она, глядя прямо в темные глаза Марка. — Или попросить папочку поставить тебе личный очиститель воздуха. Говорят, встроенный в мозг работает плохо.

Улыбка сползла с лица Марка. Смех Артура резко оборвался. Егор ахнул. В вестибюле повисла звенящая тишина. Десятки голов повернулись в их сторону. Никто и никогда не смел разговаривать с Марком Левицким в таком тоне. Даже учителя обращались к нему «господин Левицкий».

Марк моргнул. Медленно. Затем на его лице снова появилась улыбка, но теперь она была острой, как лезвие скальпеля. — Зубки есть, — констатировал он почти ласково. — Что ж, это делает охоту интереснее.

Он посторонился, освобождая лестницу. — Кабинет директора на третьем этаже. Направо по коридору. Там тебя ждет куратор. Попробуй не заблудиться в нашем пластике, деревенщина. И запомни первое правило Академии: если ты не платишь за вход, значит, ты — экспонат. А экспонаты руками трогать можно.

Развернувшись, он пошел прочь, даже не удостоив ее взглядом победителя. Свита двинулась за ним. Денис напоследок толкнул плечом дверцу старинного латунного лифта так, что та жалобно звякнула.

Лейла осталась стоять одна посреди мраморного пола, сжимая лямку сумки до побелевших костяшек. Ее старая кожа сгорела дотла. Под ней рождалась сталь. Война, обещанная завучем, началась ровно через три минуты после пересечения порога школы.

Глава 4. Азотная кислота и замша.

Кабинет химии на втором этаже «Академии Врат» пах озоном, сухим льдом и скрытым превосходством. Лаборатория больше напоминала отсек космического корабля: хромированные поверхности, сенсорные панели вместо обычных кранов с водой и вытяжной шкаф из бронированного стекла. Лейла стояла у стола номер семь. На ней были защитные очки, съехавшие на кончик носа, и латексные перчатки, которые отчаянно воняли тальком. Напротив нее возвышался Марк Левицкий. Правила Академии гласили, что стипендиаты должны сидеть в паре с элитой для «культурного обмена». Обмен пока заключался в том, что Марк демонстративно отодвинул свой стул как можно дальше, чтобы край его идеально скроенного пиджака не касался ее рукава. — Сульфид натрия реагирует с соляной кислотой с выделением сероводорода, — монотонно вещал мистер Блэквуд, учитель химии. Человек-фантом в вечно мятом твидовом костюме. Его глаза за толстыми линзами очков казались мутными лужами. Он был единственным преподавателем, который смотрел сквозь учеников так, словно они были просто набором атомов, мешающих ему дойти до кофемашины. — Запишите уравнение. И ради бога, Маркин... или как вас там... наденьте халат нормально. Вы позорите научное сообщество своим видом. Марк тихо фыркнул в кулак, уткнувшись в свой мак-

бук последней модели. Он даже не делал вид, что участвует в эксперименте. Зачем? Формулы он знал еще в начальной школе, а деньги отца давно купили ему автоматический зачет.— Лейла, передай мне пробирку Хагедорна, — процедил он, не поднимая глаз от экрана. Она потянулась через стол. Движение было резким — локоть задел штатив с реактивами. Бутыл с концентрированной серной кислотой качнулась. Время замедлилось. Стекло встретилось с краем стола. Пробка вылетела. Густая, маслянистая жидкость цвета старой карамели выплеснулась веером. Первые капли упали на белоснежную скатерть лабораторного стола, мгновенно прожигая в ней черные дымящиеся воронки. Но основная масса тягучей струей хлынула вниз. Прямо на правую ногу Марка. Раздался звук, похожий на шипение бекона на сковороде. Замшевые туфли ручной работы — вчерашняя покупка из Милана, стоимостью в подержанный автомобиль — покрылись пузырящейся коричневой массой. Кожа начала плавиться прямо на глазах, источая едкий запах жженого пластика и химикатов.— Какого черта?! — взревел Марк. Он вскочил так резко, что тяжелый лабораторный стул с грохотом опрокинулся на пол. Весь класс обернулся. Кто-то выронил колбу. Тишина лаборатории сменилась напряженным гулом. Марк стоял, балансируя на одной ноге, и с ужасом смотрел на свою ступню. Замша превратилась в липкую, обуглившуюся массу, намертво прилипшую к дорожному носку. Кислота уже добралась до кожи — по щико-

лотке начало расплзаться красное пятно химического ожога. — Ты... ты... — он задохнулся от ярости. Его лицо, обычно бледное и скупающее, пошло багровыми пятнами. Глаза почернели. Лейла замерла, сжимая в руке спасенную пустую пробирку. Ее собственное сердце колотилось где-то в горле. — Я случайно... я не хотела... она скользкая... — Случайно?! — перебил он. Его голос сорвался на визгливый шепот, который в наступившей тишине прозвучал страшнее любого крика. — Ты хоть представляешь, сколько стоят эти туфли?! Мистер Блэквуд наконец соизволил поднять голову от журнала посещаемости. Он медленно моргнул, фокусируясь на сцене. — Что за базар в храме науки? Левицкий, прекратите орать. У нас тут академическое учреждение, а не восточный базар. — Она! — Марк ткнул пальцем в Лейлу, забыв про большую ногу. — Она облила меня кислотой! Это покушение! — Это несчастный случай, — выдавила Лейла, чувствуя, как дрожат колени. — Мистер Блэквуд, я помогу ему промыть... — Помоешь полы, — отрезал Марк. Он снял с ноги испорченную туфлю и брезгливо, двумя пальцами, швырнул ее в мусорное ведро. Раздался глухой стук дорогой подошвы. — Посмотри на себя. Руки как грабли, координация уровня инфузории. Тебе место не в химической лаборатории, а в подсобке с шваброй. Он шагнул к ней вплотную. Несмотря на то что он был в одном носке, он умудрялся смотреть на нее сверху вниз. — Пошла вон отсюда, — прошипел он ей в лицо. От него пахло паникой и деньгами. — Чтобы духу твоего

здесь не было. Уборщица. Слово ударило наотмашь. По лицу Марка скользнула гадливая усмешка. Класс захихикал. Артур (он сидел через ряд) лениво поднял телефон, явно включая камеру. Денис хищно улыбнулся, подавшись вперед. — Левицкий, сядьте на место, — устало вздохнул мистер Блэквуд, протирая очки подолом жилетки. — Если вы будете прыгать на одной ноге, вы нарушите технику безопасности. — Вы слышали, что она сделала?! — возмутился Марк. — Я слышал, что ваша неряшливость привела к порче имущества школы, — Блэквуд водрузил очки обратно на переносицу. Его взгляд переместился на Лейлу. В нем не было сочувствия, только раздражение завхоза, которому придется списывать реактивы. — А теперь слушайте меня внимательно, Маркина. Во-первых, вы отстраняетесь от занятий до конца недели. За нарушение протокола безопасности. Завтра в восемь утра явитесь к завхозу. Будете драить кафель в спортзале. Щеткой. Без перчаток. — Но это же случайность! — попыталась возразить Лейла. Слезы жгли глаза, но она давила их назад. Плакать нельзя. Плачут слабые. — Во-вторых, — продолжил учитель, игнорируя ее, — стоимость обуви будет удержана из вашей стипендии. Или переведена на счет компенсации ущерба. Господин Левицкий, назовите сумму. Марк на секунду задумался, будто листая невидимый каталог цен. Боль в ноге его, казалось, совсем не беспокоила. — Четыре тысячи евро, — небрежно бросил он. — Плюс моральный ущерб. Испугался очень. Думал, терро-

ристка. Класс снова сдавленно заржал. Егор, сидевший рядом с Марком, побледнел и втянул голову в плечи. Четыре тысячи евро. Мать Лейлы зарабатывала столько за полгода мытья подъездов, если не болела. Этого хватило бы на три курса реабилитации в частной клинике. — Сумма зафиксирована, — кивнул мистер Блэквуд, делая пометку в планшете. — Можете быть свободны, Маркина. Идите... э-э-э... мойте. Да. И приведите форму в порядок. На вас смотреть больно. Когда Лейла, пошатываясь, пошла к выходу, прижимая к груди сумку, ей вслед полетел голос Марка: — Не забудь вытряхнуть совесть, когда будешь выбрасывать мусор, уборщица. Хотя... о чем это я. У таких, как ты, ее нет. Дверь лаборатории закрылась, отрезая ее от звенящего смеха золотой молодежи. Коридор поплыл перед глазами. Она прислонилась лбом к холодному стеклу окна. Это была война. И она проиграла первый бой, даже не успев достать оружие. Войдя в эту клетку, она принесла с собой запах хлорки и бедности, и этот запах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.